На правах рукописи

КАРПАЧЕВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА СЕКТ И ОБРАЗОВ СЕКТАНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы Международного института журналистики, телевидения и медиакоммуникаций образовательного частного учреждения высшего образования «Московский университет имени А. С. Грибоедова»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор **Кихней Любовь Геннадьевна**, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Международного института журналистики, телевидения и медиакоммуникаций ОЧУ ВО «Московский университет имени А. С. Грибоедова»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Борисова Валентина Васильевна**, профессор кафедры русского языка и теории словесности переводческого факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»;

доктор филологических наук, доцент **Седельникова Ольга Викторовна**, профессор отделения русского языка школы общественных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»;

доктор филологических наук, доцент **Федорова Елена Алексеевна**, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и медиакоммуникаций исторического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова».

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» (г. Санкт-Петербург).

Защита состоится «29» января 2027 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета 75.2.076.01 при ОЧУ ВО «Московский университет имени А. С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ОЧУ ВО «Московский университет имени А. С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А и на сайте https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet. Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet и https://vak.minobrnauki.gov.ru

Автореферат разослан «___ » _____2026 года.

Учёный секретарь диссертационного совета 75.2.076.01

кандидат филологических наук, доцент С. С. Царегородцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время как в научном сообществе, так и среди широкого круга общественности усилился интерес к осмыслению религиозно-философских проблем в творчестве Ф. М. Достоевского; немало работ посвящено изучению православной традиции в художественном мире писателя: библейских сюжетов и аллюзий на них в его произведениях, перекличек со святоотеческим христианским наследием. Ряд исследователей рассматривает интерес писателя к старообрядчеству и отражение темы старообрядчества в его творчестве.

Гораздо меньше внимания в литературоведческой науке уделено теме сект в художественном наследии писателя, проблемам вовлечения человека в различные альтернативные религиозные группы, психологии сектанта и руководителя культовой группы. Уже можно считать утвердившейся в исследованиях творчества Достоевского мысль о том, что впервые писатель обратился к теме сект в повести «Хозяйка» (1847). В романном творчестве исследуемая тема представлена в «Преступлении и наказании» (образ красильщика Миколки); в романе «Идиот» (неоднократное упоминание о скопческом соседстве в доме Рогожина); в «Бесах» (рассказ Марьи Лебядкиной о хлыстовском «пророчестве» и образ Семена Яковлевича); в «Братьях Карамазовых» (образ Смердякова, предположительно принадлежавшего к скопчеству). В публицистических статьях, входящих в «Дневник писателя», отражена проблема распространения штундизма и редстокизма. Интерес писателя к вопросу нетрадиционной религиозности подтверждает, в том числе, и наличие в его библиотеке книги А. М. Иванцова-Платонова «Ереси и расколы первых трех веков христианства»[1].

Исследователями Достоевского неоднократно отмечалось, что в творчестве писателя на художественно-интуитивном уровне предвосхищаются, или «предчувствуются», открытия в самых различных областях научного знания: юриспруденции, социологии, психиатрии, психологии. Так, А. Ф. Кони акцентировал внимание современников на том, что Достоевский внес неоценимый вклад в становление и развитие российской юридической науки. Учеными-психиатрами также уже с конца XIX века была выявлена роль «художественных открытий» Достоевского для медицинской науки: целый ряд заболеваний, еще не описанных в середине XIX века в медицине, нашел точное и детальное отображение в творчестве писателя. Исследователями неоднократно подчеркивалась и на сегодняшний день уже прочно вошла в науку мысль о художественной антропологии Достоевского, сформулировавшего в своих произведениях новое знание о человеке вообще.

[1] Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. С. 117.

«Художественные открытия» Достоевского, живо интересовавшегося всем, что касается духовной и душевной жизни человека, его психологии и религиозности, простираются и на такую малоизученную до сих пор область знаний, как сектоведение (знание о культах). Однако на системной основе феномен сект, тема культовой зависимости, образы культовых лидеров в художественном мире писателя еще не становились предметом изучения. Настоящее диссертационное исследование стало первой попыткой комплексно осмыслить реализуемое в художественных образах знание о сектах, психологии участника культовой группы и культового лидера в творчестве Достоевского.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, неослабевающим интересом в России и в мире к художественному и философскому наследию Достоевского, с другой — интересом современного литературоведения и гуманитарных наук в целом к социокультурным проблемам и их отражению в литературе. Актуальность работы определяется также недостаточной изученностью темы сект и образов сектантов в творческом наследии Достоевского. Рассмотрение этой проблемы позволяет раскрыть новые грани понимания его психологизма и художественной антропологии — знания о человеческой природе, о «границах» человеческой свободы и формах зависимости, о способах манипулирования религиозными и иными чувствами. Сектоведческая проблематика в творчестве Достоевского, тесно связанная с правовой, помогает также выявить и особенности понимания писателем правовых вопросов: преступления, наказания, соучастия, категории вины и др.

Степень научной разработанности темы исследования.

К изучению феномена сект и образов сектантов в художественном наследии Ф. М. Достоевского обращались Г. Л. Боград, Н. Ф. Буданова, А. П. Власкин, И. Л. Волгин, М. Джоунс, О. Г. Дилакторская, С. А. Ипатова, К. К. Истомин, В. А. Михнюкевич, Н. Н. Подосокорский, О. В. Седельникова, С. Д. Снигирева, В. Ф. Соколова, А. П. Тусичишный, Л. Н. Цой и другие ученые.

В большей части работ исследуемая тема затрагивается лишь фрагментарно: рассматривается один какой-либо аспект, связанный с функционированием сект и нашедший отражение в творчестве или биографии писателя. Так, Г. Л. Боград весьма убедительно доказывает принадлежность к скопчеству Смердякова в романе «Братья Карамазовы». Н. Ф. Буданова, М. Джоунс, С. А. Ипатова изучают отношение писателя к явлению редстокизма (Н. Ф. Буданова прослеживает отражение редстокизма в рассказе Ивана Карамазова о Ришаре в «Братьях Карамазовых»; С. А. Ипатова и М. Джоунс анализируют восприятие Достоевским редстокизма в «Дневнике писателя» и обращаются к его диспутам с Ю. Д. Засецкой). И. Л. Волгин, О. Г. Дилакторская, К. К. Истомин, О. В. Седельникова, А. П. Тусичишный рассматривают особенности изображения хлыстовско-скопческой среды в отдельных произведениях Ф. М. Достоевского. В. Ф. Соколова

обращает внимание на то, как идеология бегунов находит свое отражение в образе Миколки из «Преступления и наказания». Н. Н. Подосокорский предлагает оригинальную версию происхождения фамилии Раскольникова от раскольников-наполеонитов, поклонявшихся бюсту Наполеона.

По сути то же явление сектантства, отраженное в художественном мире писателя, только определяя его как «народную религиозную культуру» / «народное православие», рассматривают А. П. Власкин и В. А. Михнюкевич, сосредотачиваясь на фольклоре, народных легендах, бытовавших в этой среде, и совершенно не замечая выявленных Достоевским деструктивных, разрушительных для личности и общества ее проявлений.

Системному рассмотрению исследуемой проблемы посвящены работы Л. Н. Цой и С. Д. Снигиревой. Монография Л. Н. Цой интересна тем, что в ней впервые обращение писателя к проблеме сект (которые автор работы определяет как «народные ереси») вписано в историко-культурный и общественно-политический контекст. Автор приходит к выводу о деструктивности сектантства в изображении Достоевского: отмечает замкнутость, «духовный индивидуализм», торжествующий «над соборностью»[1]. Однако совершенно несправедливо в данной работе «обвиняются» в сектантстве и Раскольников, и Дуня, и даже Соня Мармеладова, с чем согласиться невозможно.

В работе С. Д. Снигиревой хоть и заявлена «необходимость пересмотра темы раскола и сектантства в творчестве Достоевского, поиска новых подходов и принципов ее описания, позволяющих прояснить историософские взгляды писателя и особенности его мировоззрения в целом»[2], тем не менее явственно прослеживаются черты марксистско-ленинского подхода, ставящего во главу угла общественно-политическую борьбу и народно-освободительное движение. Секты представлены как протестное движение, показатель развития «демократической мысли в России», «политической сознательности» народа, рассматриваются как как своего рода «религиозное диссидентство»; в работе в изрядном количестве используются «штампы» советской печати: «накануне отмены крепостного права с ростом общественного движения…»[3], «с подъемом общественного движения в 60-е годы, в связи с формированием демократической исторической мысли, оппозиционной официальной концепции истории…»[4], «раскол, понимаемый как народная оппозиция государственному гнету…»[5] и т. д. Исследовательница склонна не доверять ученым, чья деятельность как-либо связана с православной церковью.

[1] Цой Л. Н. Проблема раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск: изд-во ЯГУ, 1995. С. 110.
[2] Снигирева С. Д. Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф. М. Достоевского: автореферат дисс. … канд. филол. наук. М.: 2020. С. 4.
[3] Там же. С. 3.
[4] Там же. С. 14.
[5] Там же. С. 16.

По ее мнению, «…сочинения церковных деятелей XIX века, суждения которых в силу их *ангажированности* (курсив наш — Т. К.), как правило, не могут считаться авторитетными»[1]. Работа не лишена противоречий: понимая раскол и сектантство как явление в высшей степени прогрессивное и революционное (и ставя между «прогрессивным» и «революционным» знак равенства), Снигирева тем не менее планы Петра Верховенского «пустить легенду», сравнимую со скопческой, с тем чтобы «поднять народ» на борьбу, называет «сумасбродными» (с чем нельзя не согласиться, но неясно, как тогда понимать присутствующие в работе в изрядном количестве утверждения о «прогрессивности», «политической сознательности» и «желании заявить свою волю» неких, по мнению исследовательницы, революционно настроенных раскольников).

Таким образом, следует отметить, что проблема осмысления сект и образов сектантов в творчестве Достоевского остается еще недостаточно изученной.

Присутствующая в исследовательских работах избыточная идеализация и романтизация образов сектантов и сектантской идеологии в художественных произведениях Достоевского (можно выделить тенденцию к романтизации образов Миколки («Преступление и наказание»), Хромоножки («Бесы»), старика-старовера («Записки из Мертвого дома»), а также «присвоение» «сектантских» черт Макару Ивановичу («Подросток»)), вероятно, объясняется «отголосками» советской идеологии, стремившейся представить русских классиков если не атеистами, то еретиками, и давно требует переосмысления. Так, по мысли А. Е. Кунильского, «сложившееся много десятилетий назад мнение, разводящее Достоевского и Церковь, не умерло с исчезновением идеологического пресса»[2].

Чтобы иметь возможность делать выводы о соотносимости того или иного героя Достоевского с той или иной квазирелигиозной идеологией, а также выявить авторское отношение к исследуемой проблеме, необходимо обратиться к работам, непосредственно посвященным изучению социального и психологического феномена сект в его динамике. Массовое появление сект в России ученые традиционно связывают с церковным расколом, последовавшим после реформ патриарха Никона 1650–1680 годов. Впрочем, исследователь русского старообрядчества С. А. Зеньковский придерживался мнения о том, что движение хлыстовщины возникло в середине XVII века «безотносительно раскола», но почти одновременно с ним, «под влиянием западной мистической мысли»[3].

---

[1] Там же. С. 5. Используя современную политическую лексику («ангажированность»), исследовательница утверждает, что не доверяет и современным работам в области сектоведения. Также и труды всех преподавателей духовных академий: Московской, Киевской, Казанской, где были к XIX веку сформированы серьезные научные школы, Снигирева не удостаивает своим вниманием в силу якобы «ангажированности» их авторов.

[2] Кунильский А. Е. Христианские основы мировосприятия и изображения героя в произведениях Ф. М. Достоевского: автореферат дисс. … докт. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 33.

[3] Зеньковский С. А. Русское старообрядчество [в 2 т.]. Статьи. Сост. Г. М. Прохоров. Общ. ред. В. В. Нехотина. М.: ин-т ДИ-ДИК, 2006. С. 342.

Определение самого понятия секты с течением времени претерпело изменения. Так, в словаре В. И. Даля секта определяется как «братство, принявшее свое, отдельное учение о вере; согласие, толк, раскол или ересь»[1].

На законодательном уровне различие понятий «секта», «раскол» и «ересь» было закреплено лишь в Указе Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года. С этого времени в официальных документах было разрешено использовать название «старообрядчество», и тем самым старообрядчество и сектантство было окончательно дифференцировано. На нечеткость различия дефиниций «секта», «ересь», «раскол» в XIX веке, а также их историческую изменчивость неоднократно указывали многие ученые: как во время Достоевского, так и позднее.

Так, современник Достоевского юрист А. В. Лохвиций отмечал отсутствие разграничения этих понятий в нормах уголовного законодательства, хотя целый ряд норм предусматривал уголовную ответственность за принадлежность к тем или иным сектам и вовлечение в них[2]. На нечеткость понятия «раскол» указывал и Г. П. Добротин: «Под именем раскола оно (законодательство — Т. К.) разумеет в настоящее время как старообрядчество, отделившееся от законной иерархической власти, <…> так и разные направления, выродившиеся из него около половины XVII века и образовавшие, кроме двух главных ветвей раскола *поповщины* и *беспоповщины,* множество толков и сект обрядового раскола, а в связи с ними, под иностранным воздействием, немалое также количество еретических сект мистического (скопцы, хлысты и др.) и рационалистического характера (молокане, духоборцы, штундисты и др.)[3]. П. И. Мельников (Андрей Печерский), признанный современниками непревзойденным специалистом в области изучения раскола и сектантства второй половины XIX века[4], неоднократно подчеркивал разницу между этими явлениями[5].

К осмыслению феномена сект в XIX и даже еще в XVIII веке неоднократно обращались как теологи и церковные историки, так и публицисты, писатели, журналисты и общественные деятели. Началом изучения сект в России, пожалуй, можно считать книгу митрополита Дмитрия Ростовского (Туптало) «Розыск о раскольнической брынской вере», где, в том числе, рассматривается и проблема

---

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Совмещенная ред. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртене в современном написании. М.: Олма, 2007. Т. 4. С. 45.

[2] Лохвицкий А. В. Курс русского права. 2 изд., испр. и доп., сведенное с кассационными решениями СПб.: скоропечатная Ю. О. Шрейера, 1871. С. 309–310.

[3] Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев: тип. Кульженко, 1896. С. 3.

[4] О роли Мельникова-Печерского в изучении феномена сект см., напр.: Измайлов А. А. П. И. Мельников-Печерский (Критико-биографический очерк) // Мельников-Печерский П. И. Полное собрание сочинений: В 9 т. Изд. 2. СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1909. Т. 1. С. 23.

[5] Мельников П. И. (Андрей Печерский) Письма о расколе // Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1963. Т. 6. С. 242. В данной работе речь идет о следующих сектах: духоборцы, молоканы, хлысты, скопцы, шелапуты, богомилы.

раскольничьих скитов. Первым исследователем, посвятившим отдельную работу сектам хлыстов и скопцов, был сельский священник Калужского уезда Иоанн Сергеев. В 1809 году он направил свой труд в Священный Синод; книга, однако, не была напечатана, но разошлась в списках среди лиц, интересующихся данной проблемой. На рукопись Сергеева опирались исследователи «сектантского» вопроса на протяжении всего XIX века. Лишь в 1917 году книга Сергеева была издана Н. Г. Высоцким.

В 40-е годы XIX века над изучением феномена сект трудился В. И. Даль. Его исследование двух наиболее распространенных сект своего времени: хлыстов и скопцов, их общественной опасности и способов вовлечения в них, предназначенное «для служебного пользования» в Министерстве внутренних дел, лишь в наше время стало доступным широкому кругу читателей. Вслед за В. И. Далем к проблеме сект в течение XIX века на уровне вероучительном (рассмотрение особенностей сектантских учений и их отличий от православия), равно как и социальном (изучение степени замкнутости таких групп, их идеологии противопоставления обществу и общепринятым нормам морали) обращались Н. И. Барсов, проф. прот. Т. И. Буткевич, Н. Г. Высоцкий, И. М. Добротворский, Д. Г. Коновалов, К. В. Кутепов, С. Д. Маргаритов, П. И. Мельников (Андрей Печерский), Н. И. Надеждин, К. Н. Плотников, А. С. Пругавин, Н. В. Реутский, прот. А. В. Рождественский, А. П. Щапов и другие исследователи.

С середины XIX века проблема сект как антиобщественного явления стала интересовать и юристов. К рассмотрению преступлений, совершаемых руководителями и участниками культов, а также проблемы «сращивания» сект с криминалом обращались Н. В. Варадинов, Г. П. Добротин, А. Ф. Кони, А. П. Липранди, А. В. Лохвицкий, А. В. Попов, В. Д. Спасович, Н. С. Тимашев, В. Н. Ширяев и др. Интересен взгляд В. Д. Спасовича, отождествлявшего секты с организованными преступными группами, или «…шайками, устроенными с целью совершать преступления»[1], и призывавшего не акцентировать внимания на их «религиозной подкладке»[2].

Свой вклад в изучение исследуемой проблемы внес будущий академик В. В. Виноградов. Его первая публикация «О самосожжении у раскольников-старообрядцев (XVII–XX в.)», выходившая в 1917 году частями в рязанском журнале «Миссионерский сборник», была посвящена осмыслению одной из самых трагических страниц в истории нашей страны, — массовым самоубийствам

[1] Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества за 1881 г. Заседание 14 февраля // Журнал гражданского и уголовного права. Изд. Санкт-Петербургского юридического общества, 1882. Кн. 5. СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1882. С. 18. Впрочем, нельзя буквально соотносить группы культового характера с организованными преступными группами, потому что участники культовых групп, не осведомленные о целях руководителей организаций и характере их деятельности, вовлекаются в них путем обмана.

[2] Там же.

в раскольничьей среде. Публикация не была закончена в связи с революцией и сменой власти. В этой работе «раскол» рассматривается как родовое понятие, а «секта» — как видовое (Виноградов рассматривает распадение раскола на множество отдельных сект).

В начале XX века к изучению феномена сект обратился американский социолог М. Вебер, выделивший в качестве важных признаков «кастовое высокомерие» сектантов, а также чувство избранничества и тесную связь между финансовым успехом и Божьим благословением. Э. Трёльч, наследовавший идеи Вебера, структурировал, в том числе, смыслоразличительные признаки понятий «церковь» и «секта» и пришел к выводу о том, что церковь принимает и одобряет социальный порядок; секта же противопоставляет себя обществу и пытается исполнять пророческую миссию[1]; «секты ориентируют своих членов непосредственно на сверхмирную цель жизни и <…> рассматривают противостояние миру и его властям, к которым они относят и по мирским меркам скроенную церковь»[2]. Впоследствии эта концепция получила название «типология "церковь-секта" Вебера–Трёльча»[3], согласно которой различие между церковью и сектой в том, что церковь тяготеет к универсальности и институционализации, а «вторая группа смиряется с тем, что она мала, и стремится к первичным контактам и непосредственным личным отношениям»[4]. Среди сект, согласно этой типологии, выделяют «агрессивные», которые возникают «преимущественно в смутные времена» и члены которых «убеждены не только в том, что они избранные, знающие правильный путь, но и что они уполномочены и даже обязаны прибегать к мечу»[5].

В настоящее время укрепились две версии происхождения и, соответственно, смыслового наполнения термина «секта»: от латинского «secare» — «отсекать» (часть от целого), либо от «sequi» («sequor») — «следовать» (за кем-либо)[6]. Современными исследователями выявлены общие признаки групп, идентифицируемых как секты: замкнутость в групповых интересах, чувство отчужденности, изоляционизм по отношению к остальному миру, наличие авторитарного лидера и контроль с его стороны над сознанием и поведением адептов[7]. Ученые полемизируют по вопросу использования понятий «секта»,

---

[1] См. об этом, напр.: Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / [Ин-т «Открытое общество». Сост. Гараджа В. И., Руткевич Е. Д.]. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 227.

[2] Там же.

[3] См., напр.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. Перевод с нем. В. М. Корзинкина, Ю. В. Семенова. Общ. ред. и послесловие проф. Д. И. Чеснокова. М.: изд-во Иностранной литературы, 1961. С. 531.

[4] Там же. С. 530.

[5] Там же.

[6] См., напр.: Арсеньев И. В. Секты Европы от Карла Великого до Реформации. М.: Вече, 2005. С. 3.; Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3, перераб. и доп. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. С. 43.

[7] См., напр.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Директ-Медиа, 2011. 178 с.; Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник.

«культ», «новые религиозные движения», «нетрадиционные религиозные объединения», их сходств и различий. Большинство исследователей, например В. Ю. Бирюков, Л. И. Григорьева, А. В. Кузьмин, В. В. Кулыгин и И. В. Иванишко, В. А. Мартинович, Ю. В. Тихонравов и др., считают эти понятия синонимами. В настоящее время все большее распространение получает термин «тоталитарные секты», которыми называют «…авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками»[1].

Следует отметить, что изучение феномена сект не ограничивается одной областью знаний; проблема носит междисциплинарный характер и является предметом изучения теологов и историков церкви, философов, социологов, юристов, психологов и психиатров.

Сектоведение — относительно молодая отрасль знаний, возникшая как богословская дисциплина и впервые введенная в программу Московской Духовной академии в 1912 году. История возникновения этой дисциплины весьма показательна и как нельзя лучше иллюстрирует ее междисциплинарный характер. В начале 1900-х годов в Московской Духовной академии разработка программы по сектоведению была поручена Д. Г. Коновалову, с тем чтобы он возглавил соответствующую кафедру после защиты им магистерской диссертации. Интересно, что изучение феномена сектантства привело ученого-богослова к мысли о необходимости получить системные знания в области медицины. В 1903–1904 годах он слушал лекции на медицинском факультете Московского университета и работал в нервной и психиатрической клиниках у профессоров В. К. Рота и В. П. Сербского. В 1908 году Д. Г. Коновалов защитил диссертацию «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве». В 1909 году Синод пересмотрел диссертацию Коновалова и лишил его ученой степени в связи с несоответствием сочинения требованиям, предъявляемым к диссертации, а также самой научной специальности — богословию. Еще во время магистерского диспута коллега Коновалова И. Г. Айвазов, называя диссертацию «первым опытом истинно научной разработки вопросов русского сектантства», тем не менее обвинял автора в «злоупотреблении физиологией», что и стало причиной лишения автора магистерской степени, поэтому кафедру ранее 1912 года открыть не удалось[2]. На

Белгород: Миссионерский Отдел Московского Патриархата Русской Православной Церкви, 1997. С. 9–10.

[1] Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3, перераб. и доп. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. С. 44.

[2] См. об этом: Сухова Н. Ю. Коновалов // Православная энциклопедия. Электронная версия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.pravenc.ru/text/1841946.html Дата обращения: 02.07.2026.

самом деле междисциплинарное исследование Д. Г. Коновалова опередило свое время: сейчас ученые уже не сомневаются в том, что изучение феномена сект должно включать в себя не только богословские, но и юридические, психологические и даже медицинские аспекты. Интересно, что исследователь творчества Достоевского первой половины XX века К. К. Истомин при анализе повести «Хозяйка» опирался на труд Коновалова и пришел к выводу о том, что в ней «каждое слово художника находит себе оправдание в научных работах по сектоведению»[1].

В настоящей работе термины «секта», «культ», «культовая группа» и подобные употребляются как синонимы, и в задачу автора не входит осмысление и переосмысление религиоведческих классификаций. Однако необходимые характеристики исследуемого явления, признаки нетрадиционных религиозных объединений, или сект, выявленные учеными религиоведами, социологами, историками, изучавшими данный феномен, представляют интерес для более полного и детального понимания проблемы.

Научная новизна настоящей работы определятся тем, что в ней впервые выявлено и осмыслено отраженное в художественно-публицистическом наследии Достоевского комплексное знание о феномене сект и психологии сектанта — выделены признаки, идентифицирующие группу такого рода, рассматривается феномен так называемой «культовой аддикции» (зависимости), а также проблема характерного для такого рода сообществ «культового» криминала. Тема сект и особенности отображения образов сектантов в художественном творчестве и публицистике Достоевского впервые рассматриваются с применением междисциплинарного подхода, то есть с опорой на исследования, непосредственно посвященные изучению этого явления.

Объектом исследования является феномен сект и образы сектантов в художественном и публицистическом наследии Ф. М. Достоевского.

Предметом исследования является образное воплощение в творчестве Достоевского групп, сходных по идентифицирующим признакам с сектами; героев, чей менталитет близок сектантской идеологии, осуществляющих функции как руководителя, наставника, так и участника такой группы; способы художественной выразительности, используемые автором для изображения сект и образов сектантов (портрет, речевая характеристика, детали и т. д.), а также особенности отображения исследуемой проблемы в «Дневнике писателя».

Материалом исследования являются художественные и публицистические произведения Ф. М. Достоевского, архивные материалы, отражающие время заключения писателя в Омском остроге (Российский государственный военно-исторический архив), законодательные акты, научные статьи, воспоминания и иные

[1] Истомин К. К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости // Творческий путь Достоевского. Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского Л.: Сеятель, 1924. С. 35.

материалы, посвященные изучению проблемы сект: как времени Достоевского, так и более позднего времени — для понимания исследуемого явления в динамике.

Цель исследования: выявить закономерности изображения сект и образов сектантов в творчестве Ф. М. Достоевского; проследить отношение писателя к сектам как к социальному феномену, а также к героям-сектантам как представителям такого рода групп.

Поставленная цель повлекла за собой решение следующих **задач**:

– рассмотреть феномен «культовой аддикции» и особенности психологического манипулирования религиозным чувством в повести «Хозяйка»;

– сравнить изображение «культовой аддикции» в повести «Хозяйка» и романе «Село Степанчиково и его обитатели», а также выявить черты образа Фомы Фомича Опискина, идентифицирующие его как культового лидера;

– проанализировать образы старика-старовера и бегунов в «Записках из Мертвого дома» в соотношении с их квазирелигиозной идеологией;

– выявить черты культовой аддикции в образе красильщика Миколки в романе «Преступление и наказание» в связи с его принадлежностью в прошлом к группе, близкой к бегунам;

– определить роль «скопческой» темы в художественном пространстве романа «Идиот»;

– соотнести образ Хромоножки в структуре романа «Бесы» с лжеюродивым Семеном Яковлевичем и с «легендой» Петра Верховенского;

– проанализировать религиозные взгляды Макара Ивановича Долгорукого в романе «Подросток» и ответить на вопрос, могут ли они быть соотносимы с идеологией бегунов;

– рассмотреть вопрос о возможной принадлежности Смердякова («Братья Карамазовы») к скопчеству;

– проанализировать сюжеты о сектах штундистов и редстокистов в «Дневнике писателя».

Методологической и теоретической основой послужили работы, посвященные поэтике и аксиологии творчества Достоевского: М. С. Альтмана, М. М. Бахтина, А. Л. Бема, О. А. Богдановой, В. В. Борисовой, И. Л. Волгина, Л. П. Гроссмана, В. Н. Захарова, К. К. Истомина, Т. А. Касаткиной, В. Я. Кирпотина, К. В. Мочульского, Л. И. Сараскиной, О. В. Седельниковой, К. А. Степаняна, А. П. Скафтымова, Б. Н. Тихомирова, В. А. Туниманова, Е. А. Федоровой, Г. М. Фридлендера и др.; работа Л. Я. Гинзбург о сюжетно-композиционных особенностях психологического романа; исследование В. Е. Хализева о роли аксиологического подхода при изучении литературы; работы Ю. Н. Тынянова и В. В. Виноградова о проблемах преемственности и пародии в литературе, а также исследования, посвященные истории и особенностям функционирования нетрадиционных религиозных объединений Т. И. Буткевича,

В. И. Даля, К. В. Кутепова, Н. И. Надеждина, П. И. Мельникова (Андрея Печерского), К. Н. Плотникова и др. **Научно значимыми** для диссертационного исследования являются также труды русских религиозных философов: Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Б. П. Вышеславцева, Н. О. Лосского, Д. С. Мережковского, С. Л. Франка и др., обращавшихся к осмыслению роли наследия Ф. М. Достоевского в становлении антропологии и онтологии XX века.

Основные методы исследования. Методология исследования, обусловленная его междисциплинарным характером, включает в себя следующие методы: системно-типологический, метод мотивного и интертекстуального анализа текста, контент-анализ, социокультурный метод изыскания, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы. Все это способствует расширению возможностей целостного понимания мировоззрения писателя (как оно проявляется в его творчестве) в связи с принципами поэтики, используемыми при создании художественных произведений. Междисциплинарный подход обусловил также привлечение юридических, религиоведческих, философских, исторических, психологических и иных исследований для разносторонности и глубины понимания проблемы.

Теоретическая значимость исследования состоит в комплексном рассмотрении и систематизации сект и образов сектантов в творческом мире Достоевского, в соотношении исследуемой проблемы с правовой и психологической тематикой творчества писателя, что позволит в дальнейшем на более качественном теоретическом уровне проводить исследования, посвященные творчеству писателя и — шире — золотому веку русской литературы. Полученные в процессе исследования результаты позволят конкретизировать и в ряде случаев скорректировать имеющиеся в литературоведении представления об отношении писателя к проблеме нетрадиционной религиозности, о понимании им секты как социального и психологического феномена.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут послужить основой для разработки курсов истории русской литературы XIX века по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, для разработки отдельных спецкурсов, посвященных изучению творчества Ф. М. Достоевского, а также для включения в программы курсов религиоведения, сектоведения, истории церкви или истории религий, для написания учебников и учебно-методических пособий. Отдельные научные выводы будут полезны при составлении научного комментария к собранию сочинений Ф. М. Достоевского.

Степень достоверности и обоснованности научных выводов и предложений. Достоверность и обоснованность результатов обеспечивается методологией исследования, соответствующей его предмету, целям и задачам, и подтверждается широким перечнем доказавших свою состоятельность теоретических источников, соответствующих избранной тематике, а также

репрезентативностью использованных архивных материалов, непротиворечивостью сформулированных выводов и предложений, результатами их апробации в публикациях и выступлениях на научных конференциях.

Положения, выносимые на защиту:

1. В творческом наследии Ф. М. Достоевского в художественных образах представлено комплексное знание о феномене сект: выделены признаки, идентифицирующие культовые группы такого рода, в числе которых психологические манипуляции для удержания в подчинении наставнику, наделение его личности сакральными свойствами, оправдание антисоциальных и откровенно преступных действий «идеей», изменчивость учения, формирование психоэмоциональной зависимости участника группы от наставника и от самой группы, отрицание культурно-исторического опыта предшествующих поколений.

2. В творчестве Достоевского начиная с 1840-х годов осмыслены основные признаки сект и психологии сектантов, задолго до их выявления и описания специалистами психологами, религиоведами, юристами и социологами. Изображение «аддиктивной» личности, находящейся в культовой зависимости, является «антропологическим открытием» Достоевского, предвосхитившим описание феномена такого рода в современной психологической науке.

3. В повести «Хозяйка» впервые в творчестве писателя поднимается проблема «сращивания» сект с криминалом, объясняемая абсолютной властью культового лидера и его вседозволенностью. Достоевский впервые показывает криминальную природу этого «лидерства». Образ Мурина представляет собой художественный ответ на образ колдуна в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть». Достоевский в этом художественном споре с Гоголем снимает «налет» таинственности с колдовства и понимает его как мошенничество.

4. В «Селе Степанчикове и его обитателях» Достоевским художественно осмыслен способ подчинения, используемый харизматическим лидером культовой группы по сей день, — отказ от прошлого. Писатель задолго до описания признаков сект в современном научном знании интуитивно улавливает механизмы управления людьми в такой группе, когда личность «наставника» наделяется «сверхъестественными» свойствами, чему способствует так называемая «оккультная среда общества»: суеверие, магическое мышление, свойственные не только необразованным людям, но и представителям высших слоев общества.

5. В «Записках из Мертвого дома» отражены вопросы влияния религиозных взглядов на преступное поведение и отношение преступника к наказанию. Особенностью религиозных преступлений в изображении писателя является убежденность преступника в своей правоте и даже интерпретация преступления как геройства. Образ старика-старовера, совершившего поджог церкви, по способу его преступления и степени фанатизма соотносится с самосжигавшимися старообрядцами, также считавшими свои суицидальные акты «подвигом за веру», а

его отчаяние позволяет говорить о бессмысленности страдания, в котором нет раскаяния, о ложно понятой идее мученичества. Оправдание преступления «древлим благочестием» позволяет видеть в старике-старовере черты героя-идеолога, который будет впоследствии характерен для романного творчества писателя.

6. Деструктивность идеи о «спасительности» страдания объединяет образы безымянного арестанта, бросившегося на майора («Записки из Мертвого дома»), и красильщика Миколки («Преступление и наказание»). Идея, воспринятая Миколкой, соотносима с теорией Раскольникова и столь же разрушительна, так как обе теории нивелируют ценность человеческой жизни: теория Раскольникова — чужой, а Миколкина — своей.

7. Если в образе Миколки («Преступление и наказание») нашли отражение антисоциальные идеи секты бегунов, то образ «странника» Макара Долгорукого («Подросток»), ошибочно соотносимого в исследовательской литературе с бегунами, напротив, восходит к идеалу святости, и его учение выстроено на основе сочинений свт. Тихона Задонского. Образ Макара Долгорукого в творчестве Достоевского стоит в одном ряду со старцем Зосимой («Братья Карамазовы») и епископом Тихоном («Бесы») и не соотносится ни с бегунами, ни с иными сектантскими или раскольничьими группами.

8. Тема скопчества играет важную роль в идейном содержании романа «Идиот». Неоднократное упоминание о проживании скопцов в доме Рогожина позволяет осмыслить присутствующее в романе сравнение его дома с кладбищем: оскопления, неизбежные в местах проживания скопцов, часто влекли за собой гибель адептов. В романе прослеживается мысль о разрушительности, «убийственности» скопчества для человека и общества в целом.

9. В романе «Бесы» образы «пророчествующих» героев: Хромоножки и Семена Яковлевича — имеют ярко выраженное хлыстовское основание. Образ лжеюродивого Семена Яковлевича соотносится как с образом Хромоножки, проникшейся языческим культом «матери земли», так и с идеей Петра Верховенского «орелигиозить» революционное движение. Суеверие, вера в «предсказания» лжеюродивых делают людей более внушаемыми. В романе прослеживается, таким образом, мысль об опасности «религиозной эклектики», которая может привести к антиобщественным и трагическим для отдельной личности последствиям.

10. Сюжетную линию Смердякова в романе «Братья Карамазовы» следует рассматривать не как периферийную, а как одну из центральных, так как именно она приводит к кульминационному эпизоду убийства. Движущей силой поступков Смердякова является обида: на слугу Григория и на весь мир за свое сиротство. Эта сюжетная линия позволяет сделать вывод о том, что скопчество изображено в романе как антинародная и антиобщественная сила; принадлежность к такой группе влечет за собой разрушение как своей жизни, так и чужой. Скопчество

оказывается убийственным не только по отношению к потомкам, но и к родителям. Сквозная для творчества Достоевского «скопческая тема» сопровождается изображением смерти, объединяя потенциально возможный «труп под половицей» в доме Рогожина и реальный труп Федора Павловича Карамазова.

11. В «Дневнике писателя» рассматриваются не только религиозные, но и социально-психологические причины появления и популяризации сект. Пропаганда сектантских учений и их распространение понимаются писателем как чужеродный элемент в российском обществе; сами же сектанты, в частности крестьяне, вовлеченные в штунду, изображены как люди обманутые, привлеченные обещаниями лучшей жизни.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были опубликованы в 51 научной публикации, в том числе 19 — в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук; нашли отражение в учебном процессе в Московском городском педагогическом университете при чтении курсов «Евангельский текст русской литературы»; «Правовой дискурс русской прозы» в рамках реализации магистерских программ; были внедрены в практику работы филиала Новгородского государственного объединенного музея-заповедника «Музеи Ф. М. Достоевского в Старой Руссе» при подготовке культурно-просветительских и образовательных мероприятий. Основные положения диссертационного исследования докладывались соискателем на научно-практических конференциях: XXXIII — LI Международных конференциях «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2008–2026 г.); XXVIII — XL Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» (Старая Русса, 2013–2025 г.); VI — X Научной конференции «Летние чтения в Даровом» (Зарайск–Даровое, 2018–2024 г.); Международной научной конференции «Виноградовские чтения» (Москва, МГПУ, 2013–2025 г.); II — VII Межвузовской научной конференции «Национальный стиль русской литературной классики» (Москва, МГПУ, 2013–2021 г.); VIII — XI Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, 2014–2023 г.); II — V Всероссийской (с международным участием) научно-богословской конференции «Таинство слова и образа» (Сергиев Посад, Московская духовная академия, 2018–2024 г.); I — VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Филологические чтения» (Ярославль, ЯрГу им. П. Г. Демидова, 2016–2025 г.); XIII — XV Международной научной конференции «Гуманитарная наука и православная культура. Пасхальные чтения» (Москва, МПГУ, 2015–2017 г.); Научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева «Поздний Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018 г.) и др.

Структура диссертационного исследования определяется его целью и задачами. Работа состоит из четырех глав, вмещающих в себя 11 параграфов, введения, заключения, списка источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении рассмотрена история изучения проблемы сект и образов сектантов в художественном и публицистическом творчестве Ф. М. Достоевского, а также изложена история становления категориально-понятийного аппарата в изучении феномена культовых групп в реальном бытии; определены цели и задачи, раскрыта методологическая основа диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, приведены сведения об апробации, структуре и объеме работы.

В первой главе «Феномен "культовой аддикции" в раннем творчестве Ф. М. Достоевского: повесть "Хозяйка"» рассмотрена история изучения повести «Хозяйка» и научных дискуссий о ней, а также выявлены новые аспекты проблематики и идейного содержания повести. Можно сказать, что в «Хозяйке» в художественных образах раскрыто знание о феномене сект вообще, «в чистом виде», еще до того, как он будет изучен и описан специалистами в разных областях научного знания: психологии, религиоведения, права и социологии.

В параграфе 1.1. «Секта и криминал в повести Ф. М. Достоевского "Хозяйка"» рассматриваются мировоззренческие и поведенческие особенности героев повести и делается вывод об их возможной принадлежности к хлыстам или к секте, сходной с хлыстами. Модель поведения героев укладывается в «хлыстовскую» картину мира, и, таким образом, можно обоснованно опровергнуть начатую А. Л. Бемом линию понимания событий «Хозяйки» как галлюцинации или сна Ордынова. В «Хозяйке» впервые в творчестве Достоевского поднимается проблема «сращивания» сект с криминалом, объясняемая абсолютной властью руководителя культа и его вседозволенностью.

Здесь же осмысливается история преступлений Мурина и с опорой на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845) представлена их уголовно-правовая характеристика. От грабежей, которыми Мурин занимался на Волге, после совершенного им убийства родителей Катерины, поджога завода, принадлежавшего ее отцу, и предполагаемого убийства Алеши он переходит к предсказаниям на возмездной основе, притом продолжает руководить преступной группой уже в Петербурге. Предсказания Мурина, позволившие ему приобрести славу «мистика», основаны на суеверии «простых и легковерных людей» (по терминологии Уложения) и эксплуатации чувства страха, прежде всего, страха смерти. Участие Катерины в убийстве Муриным ее родителей следует рассматривать как соучастие. Назначение Мурину в качестве исправительной меры церковного покаяния ничтожно по сравнению с тяжестью его преступлений, оставшихся безнаказанными. История преступлений Мурина, а также весь его

облик, «дьявольский», «леденящий» смех, поучительный тон в разговоре с Ордыновым о «связывании воли» слабого человека — все это говорит о том, что к раскаянию он не способен, и позволяет переосмыслить имеющееся в науке мнение о Мурине как о «кающемся грешнике».

Образ Мурина представляет собой своего рода «антропологическое открытие» Достоевского: культовый лидер руководствуется не религиозными, а иными (корыстными, властными) мотивами для подчинения людей и зачастую является одновременно руководителем преступной группы. Криминальная история Катерины, ставшей соучастницей убийства Муриным ее родителей, иллюстрирует специфическое для «культовых» преступлений сочетание в одном лице и преступника, и жертвы. Такие особенности личности преступника, совершившего преступление под влиянием культового лидера, будут выделены лишь в наши дни в современных юридических исследованиях.

В параграфе 1.2. «Противоречивость образа Катерины в повести "Хозяйка": зависимость и власть» рассматриваются имеющиеся в науке различные интерпретации образа Катерины. В частности, осмысливаются причины понимания этого образа как положительного, которое, впрочем, невозможно признать достоверным, так как оно буквально вступает в противоречие с сюжетом повести. Такое понимание может объясняться: а) взглядом на героиню через призму фольклорной традиции, согласно которому она «заколдована» и, следовательно, невиновна; б) взглядом через призму гоголевской «Страшной мести». Обе эти точки зрения были превалирующими в осмыслении повести «Хозяйка» на протяжении XX века.

В соотнесении «Страшной мести» Н. В. Гоголя и «Хозяйки» Ф. М. Достоевского исследователями были найдены еще не все точки соприкосновения. Так, гоголевской мистике Достоевский противопоставляет реальность культового криминала. «Колдун» Мурин в «Хозяйке» уверенно пользуется вполне реальными и типичными приемами криминального мира: запугиванием, угрозами, манипулированием при помощи связывания членов группы соучастием в преступлении. В «Хозяйке», таким образом, прочитывается художественный «ответ» Гоголю: нет колдовства и колдунов, а есть убийца и мошенник, подчиняющий себе «слабое сердце» путем вовлечения в преступление. Притом если у Гоголя в «Страшной мести» прослеживается мысль о фатальной предопределенности и все события повести фактически определяются «родовым проклятием», то у Достоевского, напротив, никакой предопределенности нет. Катерина «подготовлена» к побегу с Муриным всей своей жизнью в «случайном семействе»; материнское проклятие не имеет в сюжете никакой «роковой» силы, а является лишь следствием ревности больной женщины, страдающей от предательства дочери и измены любовника.

Амбивалентность образа Катерины следует рассматривать в соответствии с ее зависимостью от Мурина, основанной на чувстве вины и мистического страха. Эта зависимость формирует в ней «новую», «аддиктивную личность», что является закономерным результатом целого ряда планомерных и продуманных манипуляций Мурина. В этой связи можно объяснить и распространенное в достоевсковедении понимание Катерины как «заколдованной принцессы» — такой взгляд вполне соотносится с феноменом «раздвоения личности»: под влиянием культовой аддикции человек становится как будто «другим». Однако Ордынов, не понимая механизма власти Мурина, основанной на манипулировании религиозным чувством Катерины, не в силах спасти ее от этой зависимости и сам попадая под ее чары, выражает готовность совершить преступление.

Изображение героини представлено глазами влюбленного в нее героя-мечтателя: его любовь «преображает» Катерину, поэтому ее облик в глазах читателей и даже исследователей не соотносится с участием в преступлениях Мурина, о которых она сама же рассказывает. Такой феномен преображающей любви впоследствии ляжет в основу философии символизма. В конце XIX века о подобном мировосприятии будет писать В. С. Соловьев, по мысли которого любящий видит не столько личность любимого в реальном бытии, сколько замысел Божий о нем, «восстанавливает» образ Божий в том, на кого направлена его любовь.

Периферийной, «не до конца проявленной» в «Хозяйке» является тема научной работы, пути ученого. Встретив, как он полагал, свою любовь, Ордынов столкнулся лицом к лицу с предметом своего исследования. Можно предположить, что именно Ордынову предстоит открыть плеяду ученых, занимающихся изучением сект, культовой зависимости и культового криминала. Опережая свое время, Достоевский заставляет героя «наткнуться» на проблему криминального сектантства, ужаснуться ей и понять, что выбранная им тема исследования связана с риском, а потому требует чистоты души и трезвого разума, чем и обусловлены агиографические черты облика героя и его возвращение в конце повести на путь аскезы и молитвы. Страсть ученого должна перегореть, превратиться в научное знание и лечь в основу его труда.

Таким образом, междисциплинарный подход к изучению произведения помогает понять авторский замысел, увидеть, насколько глубокое знание человеческой природы было заложено уже в этой ранней повести Достоевского, которую современники и даже несколько последующих поколений исследователей считали «неудачей» писателя. Детальное изображение зависимости, основанной на манипулировании религиозным чувством и вовлечении в преступление, позволяет говорить о целом ряде антропологических и криминологических «открытий» Достоевского, сделанных в повести «Хозяйка» и предвосхищающих осмысление феномена культовой аддикции, который лишь в наши дни стал отдельным предметом изучения.

Во второй главе «Художественное осмысление проблемы сект, психологии зависимости и религиозных преступлений в произведениях Ф. М. Достоевского 1860–х годов» анализируются образы Фомы Фомича Опискина («Село Степанчиково и его обитатели») и старика-старовера («Записки из Мертвого дома»). Характеры этих героев тоже представляют собой своего рода «антропологическое открытие» Достоевского: образ Фомы Фомича как типичного культового лидера, одержимого идеей власти, а образ старика-старовера как «религиозного» преступника, видящего в своем преступлении подвиг, страдание за веру.

В параграфе 2.1. «Психология культовой зависимости в "Селе Степанчикове и его обитателях"» избранный аспект исследования позволяет поставить под сомнение версию истолкования «Села Степанчикова…» как пародии. Достоевский в письме к брату называет «Село Степанчиково…» своим лучшим произведением и признается: «тут положил я мою душу, мою плоть и кровь». «Село Степанчиково…», безусловно, имеет самостоятельное, новаторское значение в литературе, и представление о нем лишь как о пародии ведет к умалению его художественной значимости. На художественное новаторство романа указывает сам автор в том же письме: «два огромных типических характера, *создаваемых* и *записываемых* пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), — характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой»[1]. Безусловно, два характера: Фома Опискин и Ростанев — интересны сами по себе, а не только как пародии либо переложение на русскую почву известных образов мировой литературы.

При изучении «Села Степанчикова…» исследователей неоднократно интересовал вопрос природы власти Фомы: каким образом «шут», приживальщик смог взять весь помещичий дом в свои руки и подчинить себе семейство Ростанева? Ученые уже обращали внимание на то, что власть Фомы носит своего рода «религиозный» (правильнее, впрочем, назвать его «псевдорелигиозным») характер и строится на манипулировании религиозными чувствами полковника Ростанева и домочадцев (Н. Н. Якушин; Л. М. Лотман; Е. А. Трофимов; Е. Г. Постникова и др.). Фактически Фома превращает дом полковника Ростанева в секту, используя приемы манипулирования, свойственные культовым лидерам (отказ от прошлого; формирование чувства вины перед «учителем» и группой). Ростанев, сорокалетний мужчина, имеющий воинское звание и боевой опыт, всецело подчиняется приживальщику Фоме, которому удается убедить полковника в том, что тот «мрачный эгоист» и «подлец». Образ Фомы Опискина, «харизматического лидера», взявшего дом полковника в свои руки, показывает, насколько разрушительно как для

[1] Достоевский Ф. М. Письмо Достоевскому М. М. от 11 апреля 1859 // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. XXVIII.I. С. 326.

самой личности, так и для окружающих стремление к власти. Здесь Достоевский интуитивно улавливает механизмы управления внутри культовой группы задолго до осмысления феномена сект в современном научном знании: личность «учителя» наделяется одновременно и сверхъестественными свойствами, и «ученостью», «наставник» одновременно представляется членам группы и «магом», и лицом, якобы сделавшим «открытие» в науке. Формированию такого культа способствует так называемая «оккультная среда общества»: суеверие, магическое мышление, свойственное не только простым и необразованным людям, но и представителям высших слоев общества. Тема самозванства и «мистической» власти, в которую верят окружающие, объединяет Фому Опискина с Ильей Муриным: Фома «толкует сны», «прорицает» будущее и пользуется неограниченными привилегиями в семействе Ростанева; Мурин «предрекает» будущее и запугивает своих посетителей.

Соотнесение Фомы Фомича с Иваном Яковлевичем Корейшей в «Селе Степанчикове…» и употребление имени лжеюродивого как нарицательного также помогает разъяснить феномен почитания «шута» и приживальщика, который впоследствии получил название «культ психических больных». Важную роль в романе играют аллюзии на евангельские сюжеты, позволяющие выявить демонические черты Фомы Опискина: сюжет о бесах, вошедших в стадо свиней и бросившихся в озеро (Мф. 8: 32–33), а также сюжет завладения бесами человеческой душой (Мф. 12: 43–45). Фома Фомич завладевает душой генеральши, подчиняет ее себе и вместе с нею переселяется в дом полковника. Ростанев пускает в свой дом «приживальщика-беса» и делает его «хозяином». Показательно также, что динамика образа приживальщика в творчестве Достоевского прослеживается от Фомы Опискина до черта в «Братьях Карамазовых».

Понимание М. М. Бахтиным «Села Степанчикова…» как произведения с ярко выраженной карнавализацией («почти мир наизнанку»), учитывая возможности междисциплинарного подхода, может помочь и при изучении проблемы сект не только в художественной литературе, но и в реальном бытии: «карнавальный король» превращается в деспота. Здесь фактически изображен весь абсурд культовой зависимости и образ «гуру» соотносим с образом «голого короля». Жертвами «культовой аддикции» у Достоевского оказываются и простая, почти неграмотная девушка из купеческой среды (Катерина в «Хозяйке»), и богатый помещик, владеющий немалым состоянием, в прошлом боевой офицер (Ростанев в «Селе Степанчикове…»). У этих героев нет ничего общего, кроме отношений культовой аддикции, и, следовательно, можно сделать вывод о том, что в понимании автора от попадания в секту, в деструктивные зависимые отношения не предостерегают ни образование, ни социальный статус, ни семейное положение. Образ господина Бахчеева и формирование его зависимости от культа Фомы позволяет говорить об еще одном «антропологическом открытии» Достоевского:

проследить «механизм» установления власти харизматического лидера невозможно, и человек сам не понимает, в какой момент попадает в культовую зависимость.

В параграфе 2.2. Образы старика-старовера и бегунов в "Записках из Мертвого дома"» на основе архивных материалов (Статейные списки о сосланных в Омскую крепость за 1853 год // Российский государственный военно-исторический архив, ф. 312) сопоставляется художественный образ старика-старовера с его прототипом Егором Вороновым, а также с самосжигавшимися старообрядцами, интерпретировавшими свои суицидальные акты как геройство. В образе старика-старовера нашли отражение те же идеи, которые были свойственны «самосожженцам». Свое преступление — сожжение единоверческой церкви — старик также считает «долгом» «стояния за веру», а каторгу, соответственно, мученичеством. Притом известно, что в реальном бытии каторжник Егор Воронов не сжигал церкви, а был привлечен к уголовной ответственности лишь «за неисполнение данного Его Величеству обещания присоединиться к единоверию и небытие на священнодействии при бывшей закладке в посаде добрянской новой церкви»[1].

Однако превращение в художественном тексте деяния старика в явное и очевидное преступление, способ совершения которого напоминает старообрядческие «гари», говорит о том, что Достоевский увидел в его характере сходство с «самосожженцами». Пожалуй, ключевым в характеристике старика является словосочетание «*в ослеплении своем* считал "мукою за веру"», напоминающее известный евангельский афоризм: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14), а также данная ему Достоевским характеристика «фанатик» и включение этого образа в некую «общность» лиц, охваченных идеей: «Старик, вместе с другими фанатиками решился "стоять за веру", как он выражался…»[2]. Писателем, возможно, намеренно «усилен» трагизм образа старика и его обособленность в художественной реальности так же, как и увеличена тяжесть его преступления, что показывает критическое отношение автора к расколу вообще: дробящийся на множество сект, в каждой из которых своя «истина», раскол порождает в своих последователях фанатизм, доходящий (вернее, доводящий) человека до преступления. Раскрывающийся по мере повествования образ старика-старовера усиливает степень его трагизма: автор подчеркивает его отчаяние и неспособность к раскаянию, что подтверждается даже словами его молитвы, в которой нет раскаяния и просьбы о прощении. Таким образом, по мысли автора, одно лишь страдание без покаяния разрушительно и напрасно. Отчаяние старика подчеркивает бессмысленность и бесплодность его страдания, ложно понятую идею

[1] Статейные списки о сосланных в Омскую крепость за 1853 год // Российский государственный военно-исторический архив, ф. 312, оп. 2, № 1815. Л. 54.
[2] Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. IV. С. 33.

мученичества, которая не ведет к спасению. Его идея оправдания преступления «древлим благочестием» предвосхищает, скорее, «идейное преступление» Раскольникова.

Разрушительность идеи возведения страдания в культ показана и в эпизоде с бросившимся на майора арестантом. Оговорка о том, что он, «впрочем, не принадлежал ни к какой раскольничьей секте»[1], лишь подчеркивает, что идея абсолютизации страдания имеет именно сектантское происхождение. «Углубление» этого образа, как и в случае со стариком-старовером, раскрывает его трагичность. В конце произведения автор неспроста его также причисляет к «вполне отчаявшимся». В истории старика Достоевский показывает «ослепление», ложно понятую идею о мученичестве, приведшую к преступлению, а в случае бросившегося на майора арестанта, скорее всего, мало осознаваемый поступок, акт отчаяния душевнобольного.

В «Записках из Мертвого дома», пожалуй, впервые в русской художественной литературе прозвучала мысль о том, что сектантское «черно-белое» мышление ведет к когнитивному искажению, при котором очевидное преступление представляется «мученичеством за веру», а законное наказание — гонением за «религиозные убеждения». Такие псевдоценности, когда преступление считается геройством, мученичеством, во всем внешнем мире видятся враги, во власти — слуги «антихриста» и т. д., формируются в замкнутой культовой среде.

В третьей главе «Художественно-философские векторы осмысления сект и образов сектантов в "великом пятикнижии" Ф. М. Достоевского» рассматривается исследуемая проблема в романном творчестве Достоевского: роль Миколки и его идеи в романе «Преступление и наказание», «скопческой» темы в романе «Идиот», образов Хромоножки и Семена Яковлевича в романе «Бесы», а также соотношения «сектантской» темы с «пятеркой» Верховенского; исследуется вопрос о правомерности причисления к бегунам Макара Ивановича Долгорукого в романе «Подросток»; рассматривается также образ Смердякова («Братья Карамазовы») в соответствии с его предполагаемой принадлежностью к скопчеству и, соответственно, осмысливается роль «скопческой» темы в романном творчестве Достоевского как антинародной и антиобщественной силы.

В параграфе 3.1. «Образ Миколки в романе "Преступление и наказание"» рассматривается история изучения образа красильщика Миколки Дементьева в романе «Преступление и наказание» и подвергается сомнению бытующая в отечественном литературоведении избыточная идеализация этого образа, объясняемая, скорее всего, утвердившимся в советское время пониманием народных образов в литературе вообще и в творчестве Достоевского, в частности, как почти заведомо положительных.

[1] Там же. С. 29.

Укрепишееся в достоевсковедении соотнесение образов Миколки и Сони Мармеладовой также требует переосмысления. Если Соня жертвует собой сознательно, ради спасения детей Катерины Ивановны от голодной смерти, то Миколка «принимает на себя» преступление Раскольникова вовсе не для того, чтобы «спасти» Раскольникова: в его поведенческом акте нет осознанности, он ищет лишь страдания самого по себе. Такая абсолютизация страдания, без покаяния, не ведет к духовному перерождению, а, напротив, едва не приводит Миколку к суициду, и если бы не профессионализм Порфирия Петровича, то могла бы стоить ему свободы.

Нельзя также согласиться и с исследователями, считающими, что на Миколку положительное, «душеспасительное» влияние оказал старец, под началом которого он жил в деревне некоторое время назад до начала событий романа: «душеспасительное учение» не может привести человека на каторгу за то преступление, которого он не совершал. Напротив, идею «спасительности» страдания, внушенную Миколке «старцем», можно соотнести с теорией Раскольникова, так как обе теории нивелируют ценность человеческой жизни: теория Раскольникова — чужой, а Миколкина — своей. Миколка не совершает убийства, но, следуя идее «страдания от властей», характерной для секты бегунов, готов погубить себя. Идея, внушенная ему «старцем», оказывается столь же разрушительной, сколь и теория Раскольникова. С другой стороны, именно теория Раскольникова лежит в основе любого сектантского учения, утверждающего «избранность» одних, которым «все позволено», и «обыкновенность» других, которые должны подчиняться этим «избранным».

В параграфе 3.2. «Скопцы и скопчество в романе "Идиот"» исследуется тема скопчества, неизменно сопровождающая образ Парфена Рогожина и описание его дома. «Темный», «таинственный» облик дома Рогожина объясняется многолетним скопческим соседством, так как там, где селились скопцы, производились и оскопления. Таким образом, опасение, высказанное Настасьей Филипповной о том, что в этом доме еще отцом Рогожина «спрятан мертвый» под половицей, — это не мистический, а вполне рационально объяснимый страх. Соотнесение дома Рогожина с кладбищем, присутствующее в самом романе и объясняемое в исследовательской литературе ассоциацией, вызванной его фамилией, с Рогожским кладбищем — известным старообрядческим центром, в свете скопческой темы приобретает новый смысл: его можно понимать как кладбище в буквальном смысле, так как неизвестно, сколько оскоплений в этом доме за время его существования окончилось гибелью. Преступление Рогожина объясняется, в том числе, его фанатичным, близким к сектантскому, менталитетом, сформированным в родительском доме: его отец, об уважительном отношении которого к скопцам Рогожин сообщает еще на первых страницах романа, под конец своей жизни от «уважения» мог перейти к членству в секте и оскопиться, тем более что скопцы всегда были рядом. Учитывая, что убийство Настасьи Филипповны

совершается в доме, где производились оскопления, очевидно прослеживается мысль о разрушительности, «убийственности» раскола и сектантства для России, которая все же непременно воскреснет (Анастасия — «воскресшая»). В понимании символического плана романа и учитывая неслучайность выбора имени героини, а также ярко выраженную в романе «сектантскую» тему, представляется возможным соотнести образ Настасьи Филипповны с образом России.

Важную роль в романе играет образ матери Рогожина, с помощью которого в роман вводится отдельная тема — разумности любого религиозного действия. Религиозное действие, совершаемое без помощи разума, обессмысливается. «Матушкино благословение» на брак с Настасьей Филипповной, которое выглядит почти как насмешка над больной старухой, Рогожин «устраивает» с той целью, чтобы совершившееся ритуальное действие будто бы «само собой» оказало влияние на ход событий. С той же целью Рогожин ведет «под благословение» к матушке князя Мышкина: чтобы «отвести» свою руку, удержать себя от задуманного убийства. Однако оказывается, что механический жест, совершенный без участия разума, ни к чему не приводит и ни от чего не предостерегает. Мать Рогожина, при всей своей, казалось бы, набожности, не спасает Рогожина от убийства, притом совершенного тут же, в доме. Более того, замена веры «мертвым» ритуалом, патриархальным укладом жизни, а то и просто идеей накопительства под маской благочестия не ведет к спасению, а, напротив, приводит к «омертвению», к потере Христа. Именно поэтому в доме Рогожина нет икон, но неоднократно упоминается копия картины Г. Гольбейна «Мертвый Христос». «Копия» ритуальных действий, соблюдение традиций без литургического общения с церковью и без просвещения, тоже оказывается «мертвой». Таким образом, в роман вводится антираскольническая и антисектантская тема: нет Христа, «мертв» Христос в расколе, заменившем веру ритуалом, и тем более нет Христа в сектах скопцов, где «кормщики», руководители скопческих «кораблей», манипулируя религиозными чувствами, калечат людей.

В параграфе 3.3. «Лжепророчества и сектантство в романе "Бесы". Группа Петра Верховенского» выделены три тематических линии романа «Бесы», которые требуют осмысления в русле исследуемой проблемы:

а) Марья Тимофеевна Лебядкина (Хромоножка) в своем рассказе о монастыре и изложении собственных религиозных взглядов вдохновляется хлыстовским «пророчеством»;

б) В городе пользуется популярностью «блаженный» «пророчествующий» Семен Яковлевич, квазирелигиозное почитание которого сходно с почитанием хлыстовских «пророков»;

в) Петруша Верховенский в свои планы по «переустройству мира» предполагает включить легенду «получше, чем у скопцов».

Образ Марьи Тимофеевны Лебядкиной так же, как и красильщика Миколки, избыточно идеализирован в исследованиях творчества Достоевского. Ее пантеистические представления о единстве Бога и природы («Бог и природа есть все одно»), об отождествлении Богородицы с «матерью землей» часто вызывают симпатии исследователей, а некоторые даже считают их позицией самого автора[1]. Однако Хромоножку, которая не может отличить воображения от действительности (как характеризует ее психологическое состояние сам автор в подготовительных материалах к роману), вдохновленную словами хлыстовской «пророчицы», нельзя считать ни «почвенным», ни «народным», ни «духовным» идеалом в художественном мире Достоевского. Сама по себе принадлежность к народной среде вовсе не делает ее прекрасно-положительным образом. Слова Хромоножки о Богородице, отождествляемой с «матерью сырой землей», имеют хлыстовское, то есть языческое, происхождение. «Вдохновившись» «пророчеством» некоей «старицы», скорее всего, представительницы хлыстовской или скопческой общины, она передает его Шатову. В данном случае языческое обожествление земли оказывается замаскированным красивыми словами о радости, которая должна воспоследовать за слезами, напитавшими землю («…И всякая тоска земная и всякая слеза земная — радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься»[2]). «Очарование» Хромоножкой в исследовательской литературе во многом объясняется этим поэтическим образом, который удачно «ложился» на миф о «культе страдания» в творчестве Достоевского. Однако радость, обусловленная слезами, напоминает теорию Ивана Карамазова об «унавоживании» земли страданиями, что ни в коей мере не соответствует мировоззрению Достоевского. В «пророчестве» «старицы» радость будто бы «покупается» страданием — так же, как и в монологе Ивана.

Образ лжеюродивого Семена Яковлевича соотносится как с образом Хромоножки, так и с идеей Петра Верховенского «орелигиозить» революционное движение — пустить «легенду получше, чем у скопцов». Суеверие, вера в различные «предсказания» и «пророчества» делает людей более внушаемыми. Заметив эту особенность, Петр Верховенский решил воспользоваться этим и «пустить легенду». Приняв народную легенду о «матери-земле» за правду христианскую, поверив в «пророчества» Семена Яковлевича, легко поверить и в «легенду» Петра Верховенского. Таким образом, здесь прослеживается мысль об опасности «религиозной эклектики», которая может привести как к антиобщественным, так и

[1] Напр.: Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 452–453; Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М.: Наука, 1967. С. 183–184; Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1994. С. 154; Власкин А. П. Творчество Ф. М. Достоевского и народная религиозная культура. Челябинск; Челябинский гос. ун-т; Магнитогорск: изд-во МГПИ, 1994. С. 109–111 и др.

[2] Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. X. С. 116.

к трагическим для отдельной личности последствиям. Религиозная (мистическая) составляющая используется руководителем группы для достижения своих корыстных, властных или иных низменных целей, а «почвой» для разрастания сект является широкий интерес в обществе к суевериям, к различного рода «предсказаниям» и т. д. «Пятерка» Верховенского вполне отображает механизм подчинения руководителю секты, установление его абсолютной власти, переход от идеи «братства» к жесткой иерархической структуре в такой группе или в политическом сообществе, устроенном по принципу секты.

Идея скрепить участников группы пролитой кровью, предложенная Ставрогиным, является типичным методом сплачивания членов организованной преступной группы. Фактически здесь можно говорить о своего рода «криминологическом открытии» Достоевского: современники писателя (напр., Г. П. Добротин; В. Д. Спасович[1]) лишь начинали осмысливать проблему «сращивания» сект с криминалом, однако системных исследований этой темы в XIX веке еще не предпринималось.

В параграфе 3.4. «К осмыслению вопроса о соотношении образа Макара Ивановича Долгорукого (роман "Подросток") и идеологии секты бегунов» рассматривается вопрос, соответствует ли мировоззрение Макара Ивановича Долгорукого идеологии бегунов и, следовательно, возможно ли говорить о принадлежности героя к этой секте. Такая идея, бытующая в литературоведческой науке, требует переосмысления.

Опираясь на исследования современников Достоевского: И. С. Аксакова, Н. И. Ивановского, Л. Н. Трефолева, непосредственно посвященные изучению сект и, в том числе бегунов-странников, можно прийти к выводу о том, что образ Макара Ивановича не соотносится ни с бегунами, ни с иными раскольничьими группами. В отличие от бегунов, Макар Иванович не возводит «в принцип» своих скитаний, а выбирает этот образ жизни: а) так как не может по причине женитьбы на Софии Андреевне уйти в монастырь, к чему стремится его душа, б) чтобы заглушить боль от измены жены и в) как форму христианского молитвенного подвига. На традиционное христианское мировоззрение Макара Ивановича указывает также то, что он является горячим защитником и даже проповедником науки и пользуется медицинской помощью, тогда как не только среди бегунов, считавших все общественные институты «порождением антихриста», но и среди отличавшихся гораздо большей «умеренностью» взглядов старообрядцев отношение к медицине было весьма настороженным. Макар Иванович считает незыблемым таинство брака, поэтому заботится об изменившей ему супруге, для чего и берет деньги

[1] См., напр.: Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев: тип. Кульженко, 1896. С. 93; Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества за 1881 г. Заседание 14 февраля. // Журнал гражданского и уголовного права. Изд. Санкт-Петербургского юридического общества, 1882. Кн. 5. СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1882. С. 18.

(«отступные») от Версилова, чтобы сохранить их для Софии Андреевны. Более того, он обращается в суд, с тем чтобы стребовать обещанную сумму с процентами, чем весьма удивляет Версилова. Очевидно, что все это с сектой бегунов никоим образом не совместимо. Макар Иванович умирает не в лесу, как было свойственно бегунам, а в кругу близких и перед смертью всем дает наставления, его отпевают по православному обряду, что также для бегунов было неприемлемо.

Восходя к идеалу святости, вобрав в себя мысли из сочинений свт. Тихона Задонского, а также черты, присущие и другим русским святым, Макар Иванович стоит в одном ряду со старцем Зосимой в «Братьях Карамазовых», епископом Тихоном в «Бесах», но никак не с Миколкой (героем, по своему менталитету наиболее близким к бегунам). Макар Иванович не бежит от мира, как бегуны, стремившиеся «закрыться», «спрятаться», чтобы не участвовать в делах мира, где, по их мнению, воцарился антихрист; напротив, он несет в себе мир и гармонию людям. В словах Макара Ивановича нет ничего, что противоречило бы догматическому богословию. Он наделен чертами не только великого молитвенника, но и философа-богослова.

В параграфе 3.5. «Образ Смердякова и проблема скопчества в романе "Братья Карамазовы"» выявляются признаки, с большой долей вероятности указывающие на принадлежность Смердякова к секте скопцов, а также выясняется соотношение темы скопчества с криминальным сюжетом отцеубийства.

Устойчивое в литературоведении понимание образа Смердякова как «карикатуры» или «двойника» Ивана Карамазова недостаточно для раскрытия его роли в романе. Образ Смердякова вполне самостоятелен, и, говоря словами И. А. Гончарова, у него свой «мильон терзаний». Сюжетная линия Смердякова фактически центральная, потому что именно она приводит к кульминационному эпизоду убийства Федора Павловича Карамазова. Более того, в отличие от сюжетных линий других братьев, которые предполагалось продолжить, лишь линия Смердякова оказалась законченной. Поэтому понимание Смердякова как «карикатуры» либо «двойника» недостаточно. Движущей силой поступков Смердякова является обида: на слугу Григория, в порыве гнева высказавшего ни много ни мало сомнение в его, Смердякова, человеческой природе («ты не человек, ты из банной мокроты завелся…»[1]), на весь мир за свое сиротство, за то, что братья никогда не признают его братом. Обида переходит в чувство мести: по отношению к братьям, к отцу, ко всему миру и всем «божьим тварям». Смердяков ищет иного «братства» в скопческом «корабле», которого там тоже нет. «Братья» и «сестры» в секте связаны общей преступной тайной. Обращение Смердякова в секту скопцов могло стать неким «актом самовыражения», заявлением презрения к образу жизни

[1] Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. XIV. С. 114.

Федора Павловича Карамазова, а также «бунтом» против Бога, как его понимает Григорий, — Бога «карающего».

Совершая убийство, Смердяков желает связать себя с Иваном теми узами, какими связаны члены организованной преступной группы, — соучастием в преступлении. Такой криминальный менталитет героя не могло сформировать лишь его безрадостное детство или «детская травма» вследствие грубых воспитательных мер Григория, а сформировала его именно принадлежность к асоциальной группе. Впрочем, в преступлении Смердякова принадлежность к скопческому «кораблю» является, скорее, «смягчающим обстоятельством», чем «отягчающим». Идея дозволительности преступления ради «высшей» идеи (цели) должна была быть внушена ему в скопческом корабле, когда во время пребывания в Москве он узнал там «кое-что»[1]. Именно поэтому в его сердце отозвалась идея Ивана о том, что, «коли Бога бесконечного нет, то <…> все позволено».

Достоевский приходит к выводу о том, что скопчество оказалось убийственным не только по отношению к детям, но и к родителям. Образ скопца, убивающего отца, глубоко символичен: насильственно лишая себя возможности продолжения рода, человек утрачивает и ценность жизни вообще. Бунт против плоти оказывается бунтом против самой жизни. Таким образом, скопчество изображено в романе как антинародная и антиобщественная сила, и понимать сектантство в изображении писателя как «народную веру» или «народную религию» недопустимо. Принадлежность к такой квазирелигиозной преступной группе влечет за собой разрушение как своей жизни, так и чужой.

Четвертая глава «Отражение проблемы сект в "Дневнике писателя" Ф. М. Достоевского» посвящена рассмотрению двух сект в публицистике Достоевского: штундистов и редстокистов (впоследствии получивших название «пашковцев» по имени самого активного распространителя редстокизма в России В. А. Пашкова). Обе секты ко второй половине — концу XIX века приобрели широкий круг последователей (штунда — большей частью среди крестьян, а редстокисты — в высшем обществе) и уже являлись предметом обсуждения в прессе, а также объектом научных исследований. В начале XX века штунда и редстокисты уже изучались в духовных учебных заведениях в рамках курса «сектоведение» и входили в учебные пособия.

В параграфе 4.1. «Секта штундистов и ее осмысление в "Дневнике писателя"» анализируются статьи Ф. М. Достоевского, посвященные распространению штундизма в России: «Смятенный вид» и «Миражи. Штунда и редсткисты», и рассматривается динамика авторского отношения к проблеме. Если в статье «Смятенный вид» (1873) штундистский пастор еще назван «совестливым» и своей заботой о крестьянах вызывает даже некоторую симпатию писателя, то всего

[1] Там же. С. 116.

через несколько лет, в «Миражах…» (1877), для изображения штундистских пасторов выбран насмешливо-иронический тон: они определены как «случившиеся тут»[1], а в другой статье этого же года пастор с нескрываемой сатирой назван «обработавшим штунду»[2].

В статье «Миражи. Штунда и редстокисты» писателем выделен характерный для культовых групп признак отрицания культуры и опыта предшествующих поколений: «…они уже распадаются, спорят о буквах, толкуют Евангелие всяк на свой страх и на свою совесть, и главное, *с самого начала* (курсив авт. — Т. К.) бедный несчастный, темный народ! <…> все "с самого начала", с самого то есть сотворения мира, с того, что такое есть человек и что женщина, что хорошо и что дурно и даже: есть ли Бог или нет его?»[3]. Достоевский здесь полемизирует с «защитниками» штунды, объявляющими этот признак положительным. Применительно к штунде Достоевский выделяет также признак изменчивости секты, отличающий ее от традиционной религии. Так, он «предсказывает» путь развития штунды: от благопристойных собраний с целью чтения Евангелия к «верчению и пророчествам», то есть путь «назад», к языческим, «шаманским» практикам. «Верчение и пророчество», то есть впадание в транс на собраниях, по мысли писателя, есть верный признак того, что община далеко отошла от христианства, перешла некую грань, за которой уже не осталось ничего христианского, а вернулись «старые, древнейшие, всем известные и поганейшие идолы»[4].

В параграфе 4.2. «Образ лорда Редстока в "Дневнике писателя" и проблема распространения редстокизма (пашковщины)» рассмотрена история проникновения в Россию редстокизма (учения лорда Редстока), его распространения в реальном бытии и отражение проблемы редстокизма в «Дневнике писателя». Выявлено авторское отношение к редстокизму и его «продолжению» — пашковщине в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, В. П. Мещерского. Целый ряд факторов в характеристике редстокизма и самого лорда Редстока в изображении Достоевского, Лескова и Мещерского совпадает: это наличие трансовых (или близких к трансовым) практик на собраниях лорда, «элитарность» этих собраний («барская вера»), «культ личности» «учителя», и при этом, как ни странно, отсутствие у него умения аргументированно и грамотно излагать свои мысли и отстаивать свою позицию. Последнее при этом компенсируется умением «угождать» публике и экзальтированным поведением как самого проповедника, так

[1] Достоевский Ф. М. Миражи. Штунда и редстокисты / Дневник писателя. Март 1877 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. XXV. С. 10.
[2] Достоевский Ф. М. Русский народ слишком дорос до здравого понятия о восточном вопросе с своей точки зрения / Дневник писателя. Март 1877 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. XXV. С. 69.
[3] Достоевский Ф. М. Миражи. Штунда и редстокисты… С. 11.
[4] Там же. С. 12.

и членов собрания. У Лескова, впрочем, редстокистам противопоставлены штундисты и прослеживается некоторая симпатия к последним и к их образу жизни (рассказ «Два свинопаса»), чего нет у Достоевского. Экзальтация редстокистов на собраниях, как показывает Достоевский, приводящая к состоянию, близкому к трансовому (слезы, вскрики, «наитие»), формирует эмоциональную зависимость от группы, что, в свою очередь, влечет за собой возможность неограниченной власти руководителя группы.

Достоевский намеренно объединяет штундистов (коих было значительно больше среди крестьян) и редстокистов (преимущественно представителей высшего света) по способу вовлечения в культовые группы и значимости личности «наставника» для адептов. Как психологическую причину вовлечения в секты штундистов и редстокистов и удержания в них Достоевский выделяет культ личности немецкого пастора (штундисты) и лорда-проповедника (редстокисты), заслоняющей собой Бога, превалирование личности над вероучением, что приводит к формированию обособленного сообщества во главе с наставником, обладающим непоколебимым авторитетом. Притом и в том, и в другом случаях культ личности руководителя-основателя секты влечет за собой возможность манипулирования религиозными чувствами. Проповедник штундизма начинает с христианской проповеди и пропаганды трезвости, а заканчивает политическими и апокалиптическими идеями, а лорд Редсток привлекает нарочитой экзальтацией своей проповеди, произносимой на французском языке, то есть умением понравиться петербургской знати.

Продолженное в «Братьях Карамазовых» осмысление редстокизма показывает, что, хоть редстокисты и называют себя христианами, в их псевдобратстве не сформирована даже базовая ценность — ценность человеческой жизни. Иван Карамазов, рассказывающий историю Ришара и возмущенный цинизмом пасторов, «членов разных Христовых братств» и «благотворительных дам», оказывается ближе к христианскому миропониманию, нежели редстокисты, будто бы живущие христианской проповедью. Сектантское псевдобратство оказывается буквально убийственным — этот вывод, к которому приходит писатель в «Братьях Карамазовых», перекликается с идейным содержанием статей о Редстоке в «Дневнике писателя».

В **Заключении** подведены основные итоги исследования и намечены перспективы дальнейшей работы.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что проблема сект в наследии Ф. М. Достоевского получает художественно-философское осмысление и занимает важное место. На протяжении всего творческого пути писатель проявляет интерес к феномену сект, с одной стороны, как к социальной проблеме, с другой — как к психологическому фактору порабощения культовым «учителем» воли своих последователей. Притом в меньшей степени он обращается

к социальным вопросам, связанным с исследуемой темой, а в большей — художественно осмысливает психологию власти руководителя культа, а также психологию зависимости лиц, в него вовлеченных. Можно с уверенностью говорить о том, что художественные «открытия» Достоевского предвосхищают выводы современных ученых: психологов, социологов, юристов, религиоведов, обращавшихся к проблеме культов и культовой зависимости. Так, в «Хозяйке» Достоевским в художественной форме раскрыт феномен «аддиктивной личности», страдающей от такой зависимости. Этим феноменом «аддиктивной личности» объясняется и распространенный в науке взгляд на Катерину как на «заколдованную принцессу», который вполне соотносится с ее образом: под влиянием культовой аддикции человек становится как будто «другим».

Образы героев-сектантов в творчестве писателя представлены многосторонне: вовлеченными в культ становятся представители совершенно разных слоев общества, уровня образования, возраста и т. д. Так, у героини повести «Хозяйка» Катерины и полковника Ростанева, героя «Села Степанчикова…», кроме культовой аддикции, нет ничего общего. А Фома Опискин объединен с Ильей Муриным темой самозванства и «мистической» власти, в которую верят окружающие люди, что позволяет ему «толковать сны», «пророчествовать» и пользоваться неограниченными привилегиями в семействе Ростанева, так же как Мурину, — «предсказывать» будущее и запугивать своих посетителей.

В «Записках из Мертвого дома», пожалуй, впервые в русской художественной литературе прозвучала мысль о том, что формируемое в культовой среде «черно-белое» мышление ведет к когнитивному искажению, при котором очевидное преступление представляется «мученичеством за веру», а законное наказание — гонением за «религиозные убеждения». Достоевским показывается разрушительность идеи возведения страдания в культ, которая будет в дальнейшем развита в образе Миколки в «Преступлении и наказании».

В романах «Идиот» и «Братья Карамазовы» Достоевский приходит к выводу о том, что скопчество оказалось убийственным не только по отношению к детям, но и к родителям. Образ скопца, убивающего отца (Смердяков), глубоко символичен: насильственно лишая себя возможности продолжения рода, человек утрачивает и ценность жизни. Писателем подчеркивается антинародная и антиобщественная направленность скопчества. Смерть буквально сопровождает всю «скопческую тему» в творчестве Достоевского, объединяя потенциально возможный «труп под половицей» в доме Рогожина, и реальный труп Федора Павловича Карамазова. «Пятерка» Верховенского в «Бесах» в точности отображает механизм подчинения лидеру секты, установление его абсолютной власти, переход от идеи «братства» к жесткой иерархической структуре. Власть руководителя культа строится на запугивании людей, у которых, в свою очередь, восхищение «сильной» личностью сменяется чувством безвыходности положения. Религиозная (мистическая)

составляющая используется для достижения руководителем своих корыстных, властных или иных низменных целей, а «почвой» для разрастания сект является распространенный в самых различных слоях общества интерес ко всякого рода суевериям.

В «Дневнике писателя» Достоевский указывает не только на религиозные, но и на социально-психологические причины появления, распространения и популяризации сект. В качестве общей причины, способствующей вовлечению в штунду крестьян и распространению редстокизма в высшем свете, он называет религиозное невежество, незнание и непонимание православия. В качестве социальной причины Достоевский выделяет в случае штундистов низкий уровень жизни и пьянство, а в случае редстокистов — желание обособления, отделения одной социальной группы (для редстокистов — группы «высшего света») от всего общества. Интересно в этой связи наблюдение писателя об «универсальности» сектантской опасности: принадлежность к тому или иному сословию не делает человека менее внушаемым.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать о том, что Достоевским показана чужеродность сектантских учений для российского общества, а также манипулирование в таких группах сознанием людей, что создает психологическую опасность для личности. Притом отношение к штундистам и редстокистам автора «Дневника писателя» разнится: первых он жалеет, проявляя снисходительность к простодушной доверчивости крестьян, поверивших немецкому пастору, а над великосветскими почитателями лорда Редстока, которые были привлечены его проповедью «барской веры» из желания «обособиться», он иронизирует.

В творчестве писателя сформулировано знание о феномене «секты вообще» — выделены признаки, идентифицирующие группу такого рода: психологические манипуляции для удержания в подчинении руководителю, наделение его личности сакральными свойствами и одновременно ученостью, сращивание культовых групп с криминалом, оправдание антисоциальных и откровенно преступных действий «идеей», изменчивость учения, формирование психоэмоциональной зависимости от руководителя и группы, отрицание культурно-исторического опыта предшествующих поколений. Можно с уверенностью говорить об «антропологическом открытии» Достоевского, выявившего признаки зависимого культового поведения и отобразившего феномен «аддиктивной» личности, находящейся в культовой зависимости.

В качестве перспектив дальнейшего исследования возможно выделить сравнение исследуемой проблемы в творчестве Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, П. И. Мельникова (Андрея Печерского), Л. Н. Толстого и др.

По теме диссертации опубликованы следующие работы автора:

Статьи в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Карпачева, Т. С. Мотив «одиннадцатого часа» в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2013. – № 1 (10). – С. 56–61.

2. Карпачева, Т. С. Как Дарья Онисимовна стала Настасьей Егоровной в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2014 – № 1 (12). – С. 37–45.

3. Карпачева, Т. С. Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – № 12. – С. 252–263.

4. Карпачева, Т. С. Пасхальность творчества свт. Тихона Задонского и Ф. М. Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2015. – № 84. – С. 31–35.

5. Карпачева, Т. С. «Выскочил шутом на всю Европу»: особенности изображения лорда Редстока в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и В. П. Мещерского // Социальные и гуманитарные знания. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова – 2016. – № 3 (7). Т. 2. – С. 217–222.

6. Карпачева, Т. С. Образ Катерины в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка»: галлюцинация, преступница или Прекрасная Дама // Социальные и гуманитарные знания. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова. – 2019. – № 3 (19). Т. 5. – С. 258–267.

7. Карпачева, Т. С. Образ хлыстовского «пророка» в творчестве Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева // Вестник МГОУ. Сер. «Филологические науки». – 2019. – № 3. – С. 102–116.

8. Карпачева, Т. С. Кошмар Кошмарова: секта и криминал в раннем творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник МГОУ. Сер. «Филологические науки». – 2019. – № 4. – С. 99–112.

9. Карпачева, Т. С. Приживальщики и мировое зло в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Культура и текст. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет. – 2021. – № 4 (47). – С. 99–107.

10. Карпачева, Т. С. Открытия Ф. М. Достоевского в области сектоведения // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2021. – № 4. – С. 122–133.

11. Карпачева, Т. С. Богородица и лжебогородица в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Университетский научный журнал. СПб. – 2022. – № 68. – С. 87–97. Электронный ресурс. Режим доступа: Санкт-Петербургский университетский консорциум (unipress.pro) Дата обращения: 18.10.2026.

12. Карпачева, Т. С. Еще раз о влиянии «Страшной мести» Н. В. Гоголя на «Хозяйку» Ф. М. Достоевского // ART LOGOS. – 2023. – № 2 (23). – С. 10–31.

13. Карпачева, Т. С. Скопцы и скопчество в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Сер. Русская литература. М.: изд-во Грамота. – 2024. – Т. 17. – Вып. 5. – С. 1763–1771.

14. Карпачева, Т. С. Образ Ивана Яковлевича в «Селе Степанчиково и его обитателях» Ф. М. Достоевского // Культура и текст. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет. – 2024. – № 2 (57). – С. 84–97.

15. Карпачева, Т. С. «Теория» Миколки и ее истоки в художественном пространстве романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Череповецкого Государственного университета. Технические науки. Филологические науки. Педагогические науки. Череповец. – 2024. – № 3 (120). – С. 100–112.

16. Карпачева, Т. С. Смердяков и скопчество // Филология и человек. Научный журнал. Барнаул: изд-во Алтайского государственного ун-та. – 2024. – № 2. – С. 18–33.

17. Карпачева, Т. С. Феномен лжепророчества и лжеюродства в «Бесах» Ф. М. Достоевского: Марья Тимофеевна Лебядкина (Хромоножка) и Семен Яковлевич в образной системе романа // Art Logos. – 2024. – № 2 (27). – С. 28–49.

18. Карпачева, Т. С. Культ Фомы Фомича Опискина в романе Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – № 2. – С. 229–239.

19. Карпачева, Т. С. Поэтика образа Василия Ордынова (Ф. М. Достоевский «Хозяйка»). Агиографическая традиция // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2024. – № 3 (55). – С. 48–61.

Публикации в иных научных изданиях:

20. Карпачева, Т. С. Святитель Тихон Задонский как прототип образов праведников в произведениях Ф. М. Достоевского // Духовные основы русской культуры: изучение и преподавание в высшей и средней школе: Сборник материалов научно-практических и образовательных конференций. Выпуск 2. М.: МГОУ. – 2008. – С. 99–108.

21. Карпачева, Т. С. Свт. Тихон Задонский и его духовное влияние на творчество Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Русский язык как духовный и культурный собиратель нации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя 11–12 октября 2009 г. Самара. – 2010. – С. 85–91.

22. Карпачева, Т. С. Сотериология свт. Тихона Задонского и Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной конференции 25–29 августа 2009 г. Коломна-Зарайск-Даровое / сост. В. А. Викторович. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт. – 2009. – С. 120–124.

23. Карпачева, Т. С. Значение духовного наследия свт. Тихона Задонского для Ф. М. Достоевского // Текст, контекст, интертекст. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XII Виноградовские чтения. Москва, 10–11 ноября 2011 г. Т. III Ф. М. Достоевский как художник и мыслитель: к 190-летию со дня рождения писателя. – 2012. – С. 47–53.

24. Карпачева, Т. С. Образ Москвы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сборник научных статей. Вып. 7. М.: МГПУ. – 2013. – С. 39–45.

25. Карпачева, Т. С. Ф. М. Достоевский и О. Ф. Берггольц о патриотизме и сопротивлении злу // VI Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» 14–18 декабря 2012 г. // М.: Фонд Достоевского. – 2014. – С. 297–306.

26. Карпачева, Т. С. Эпизод чтения Евангелия в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий // Русская литература: комментарии, анализ, художественные тексты. М.: ГБОУ ВПО МГПУ. Институт гуманитарных наук, кафедра русской литературы и фольклора. – 2013. – С. 101–120.

27. Карпачева, Т. С. Образ свт. Тихона Задонского в творчестве Ф. М. Достоевского // Материалы 5-й Международной научно-практической конференции «Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность» 14–15 мая 2014 г. Великий Новгород: Филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Великий Новгород. – 2014. – С. 76–83.

28. Карпачева, Т. С. Ставрогин и Вандергуд: выбор небытия // Национальный стиль русской литературной классики Материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва, 16 марта 2013. М.: МГПУ. – 2014. – С. 31–39.

29. Карпачева, Т. С. Куда бежали бегуны и бежал ли с ними Макар Иванович? // Достоевский и современность. Материалы XXIX Международных Старорусских чтений 2014 г. Великий Новгород. – 2015. – С. 90–98.

30. Карпачева, Т. С. Московские и петербургские секты в изображении Ф. М. Достоевского // Москва и «московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сборник научных статей. Вып. 8. М.: МГПУ. – 2015. – С. 14–31.

31. Карпачева, Т. С. Мотив власти (на примере власти лидера нетрадиционной религиозной организации) в изображении Ф. М. Достоевского // Мотив в структуре художественного текста: сборник научных статей. М.: МГПУ. – 2016. – С. 95–113.

32. Карпачева, Т. С. Образ лорда Редстока в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в романе В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете» // Достоевский и современность. Материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015 г. Великий Новгород. – 2016. – С. 227–237.

33. Карпачева, Т. С. Притча о работниках виноградника в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Национальный стиль русской литературной классики. Материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 13 марта 2015 г.). М.: МГПУ. – 2016. – С. 62–67.

34. Карпачева, Т. С. Ф. М. Достоевский и О. Ф. Берггольц: биографические и мировоззренческие переклички // К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сборник научных статей по материалам научной конференции (Москва, 22 апреля 2015 г.). – М.: МГПУ, 2016. – С. 140–152.

35. Карпачева, Т. С. О возможном влиянии трактата Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях» на образный строй и идейно-тематическое содержание романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русистика и компаративистика. Сборник научных статей. Вып. XI. М.: МГПУ. – 2016. – С. 122–134.

36. Карпачева, Т. С. «Хлыстовский след» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 34. СПб.: Серебряный век. – 2016. – С. 30–39.

37. Карпачева, Т. С. Образ сада в эпилоге романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Семантика леса и сада в русской литературе и фольклоре. Сборник научных статей. М.: МГПУ. – 2017. – С. 132–142.

38. Карпачева, Т. С. Герой-идеолог в трактате Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях» как возможный прообраз Родиона Раскольникова // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Материалы конференции 22–23 мая 2017 г. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова. – 2017. – С. 53–57.

39. Карпачева, Т. С. Осмысление общественной опасности сект и нарушений прав человека в нетрадиционных религиозных объединениях в творчестве Ф. М. Достоевского, П. И. Мельникова-Печерского и публицистике XIX в. // Актуальные вопросы изучения светской и духовной словесности. Вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, ИПО «У Никитских ворот». – 2017. – С. 187–202.

40. Карпачева, Т. С. «Строжайше запрещено-с»: о роде занятий Мурина в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Пушкинские чтения – 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIV международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2019. – С. 234–243.

41. Карпачева, Т. С. «К чему учиться по-немецки, чтобы петь псалмы?»: секта штундистов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // III Международная научная конференция «Филологические чтения: человек, текст, дискурс». Ярославль, 15–17 мая, ЯрГу им. П. Г. Демидова. – 2019. – С. 119–125.

42. Карпачева, Т. С. Обличение язычества: проповедь на рулетке // Сборник материалов научно-богословской конференции «Таинство слова и образа» 3–4 октября 2018. Сергиев Посад – Переславль. – 2019. – С. 305–312.

43. Карпачева, Т. С. Евангельский текст в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Константы русской литературы. Сборник статей для магистрантов М.: МГПУ, Книгодел. – 2020. – С. 105–120.

44. Карпачева, Т. С. Секты и сектанты в творчестве Достоевского (тезисы) // Евангельский текст в русской словесности. Сборник тезисов докладов X Всероссийской конференции (с международным участием) 21–24 сентября 2020 г. Петрозаводск: ПетрГу. – 2020. – С. 221–222.

45. Карпачева, Т. С. Воскресение Игрока // Дискурс Некрасова и Достоевского: культурное наследие и его интерпретация Матер. Всероссийской с междунар. участием научной конференции 22–26 сентября 2021 г. Ярославль: ЯрГу им. П. Г. Демидова. – 2021. – С. 59–65.

46. Карпачева, Т. С. «Же-на, коли сказывал»: случайное семейство в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // V Летние чтения в Даровом. Коломна: изд. А. С. Бессонова. – 2021. – С. 55–67.

47. Карпачева, Т. С. «Мы пустим легенду получше, чем у скопцов»: секта в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры. Липецк: изд-во ЛГПУ. – 2022. – С. 68–79.

48. Карпачева, Т. С. «Старая люба» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Достоевский и современность. Материалы XXXVI–XXXVII Старорусских чтений 2021–2022 г. Великий Новгород. – 2023. – С. 129–143.

49. Карпачева, Т. С. Образ старика-старовера в «Записках из мертвого дома». Уголовно-правовая и криминологическая характеристика его преступления // Достоевский и современность. Материалы XXXVIII Международных Старорусских чтений 2023 г. Великий Новгород. – 2024. – С. 46–70.

50. Карпачева, Т. С. Образ матери Парфена Рогожина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXXIX Международной научной конференции 6–7 июня 2024 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2024. – С. 299–304.

51. Карпачева, Т. С. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: отражает ли образ Макара Долгорукого принадлежность персонажа к секте бегунов? // Русистика и компаративистика. Сборник научных статей. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ. –2024. – С. 170–189.